

Соколова Валентина Федоровна

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ТВОРЧЕСТВО Н. С. ЛЕСКОВА

В статье сделана попытка рассмотреть творчество Н. С. Лескова на фоне формировавшейся русской историко-филологической науки, подчеркнуть значение в становлении его творческого метода трудов Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, Н. С. Тихонравова и других ее представителей. В качестве примера дан анализ ряда произведений писателя, созданных с учетом древнерусских культурных традиций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/9-2/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 185-187. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

УДК 81

Филологические науки

В статье сделана попытка рассмотреть творчество Н. С. Лескова на фоне формировавшейся русской историко-филологической науки, подчеркнуть значение в становлении его творческого метода трудов Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, Н. С. Тихонравова и других ее представителей. В качестве примера дан анализ ряда произведений писателя, созданных с учетом древнерусских культурных традиций.

Ключевые слова и фразы: русская историко-филологическая наука; нравственно-этические представления; культура Древней Руси; памятники словесного творчества; традиция; деятельность писателя; агиографический жанр.

Соколова Валентина Федоровна, д. филол. н., профессор
Нижегородский инженерно-экономический университет
uioirtd@yandex.ru

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ТВОРЧЕСТВО Н. С. ЛЕСКОВА[©]

Изучение народной культуры, жизни и самой физиономии народа, определение его кардинальных черт уже в 30-е гг. XIX столетия осознавалось в России как важнейшая задача науки и искусства. Благодаря трудам русских ученых национальная культура стала представляться в новых научных теориях «как сложный феномен, явление, единое в своем историческом развитии, включающее в свою систему язык, мифологию и фольклор – начало, исток и арсенал национальной литературы – и высшее ее достижение – произведения гениальных художников прошлого и современности» [7, с. 20].

Русские ученые – Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев, Н. С. Тихонравов, А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский – предлагали новые, захватывающие смелой категоричностью ответы на самые сложные вопросы отечественной истории. В заново открываемых материалах по истории русской культуры прошлых веков они видели отражение идеалов и исторического опыта своего народа. Их публикации оказывали огромное влияние на общественное сознание современников и во многом определяли характер русской художественной словесности. Древняя культура и фольклор стали осознаваться как живой элемент современного художественного развития. Обостренный интерес большинства русских писателей к проблемам своего времени сочетался с их влечением к прошлому и любовным пристрастием к древней русской культуре.

Неслучайно В. В. Розанов, давая характеристику личности и творчеству Н. С. Лескова, писал, что «он возбуждал бездну теоретических, так сказать, университетских вопросов и <...> многое для себя “университетски”, со строгостью профессора <...> разрешал». Трудно было поверить, продолжает Розанов, что он «не прошел университет, даже определенный его факультет – филологический. Его очень легко было представить себе учеником, даже любимым учеником Тихонравова, Буслаева, Ключевского, И. А. Попова» [3, с. 2].

Известно, что с Буслаевым у Лескова сложились теплые, дружеские отношения. «Стал я читать чудную книгу Ф. И. Буслаева “Мои досуги”, где великий знаток лицевых Апокалипсисов и иконописных школ так мастерски разобрал переходные повести, тонко осветив нити, связывающие во единое целые сказания самых отдаленных времен. Прочел я эту статью и устыдился, поняв, что <...> напечатав не один десяток пересказов древних сказаний, лишь на закате своего писательства, удосужился прочесть исследование великого знатока, совсем по-новому осветившего то, над чем я работал кустарно» [Там же, с. 19]. Свое признательно-благодарственное отношение к ученому он выразил в посвященном ему рассказе «Некрещенный поп».

Культура Древней Руси рассматривалась Лесковым как непреходящая национальная ценность. В древней русской культуре, прежде всего – в живописи и памятниках словесного искусства, он видел выражение незамутненного чуждыми влияниями русского национального самосознания. Этим и определяется его непреходящий интерес к старинной иконописи и житийной литературе.

Интерес к древней русской культуре у Лескова особенно обостряется к середине 70-х годов, ко времени небывалого расцвета русской историко-филологической науки. Как отмечает А. О. Авсеенко, истоки творчества писателя определенно обнаружилось в его ориентации на «совсем неведомую <...> литературу, которую он тщательно собирал у буквоедов толкучего рынка и у каких-то странных знакомых, являвшихся к нему в подрясниках или шапках с наушниками» [1], то есть на ту литературу, которую читал народ.

Прекрасное знание древнерусских текстов давало писателю возможность в разнообразных формах использовать их как в литературно-художественном творчестве, так и в литературно-критической деятельности. Обширные выдержки из текстов древнерусской письменности он умело и органично komponует с современным материалом; мотивы житий и светской литературы XVII в. служат ему в осуществлении его творческих замыслов.

Лесков, как он сам говорил, знал народ «не понаслышке» и всегда гордился тем, что «рос среди народа», «спал с ним на росистой траве ночного, под теплым овчинным тулупом» и был с народом «свой человек», прекрасно знал его быт и мировоззренческие представления. В его религиозной культуре он видел ту силу, которая могла бы духовно оздоровить нравственно разлагающееся русское общество пореформенной России.

Понятие «народ» Лесков интерпретирует очень широко. Это и купцы, и священники, и крестьяне, и чиновники, и всех их, как считал писатель, должны объединить понятия добра и заповеди Священного Писания. Именно они должны представлять «здравую народную почву».

Стремления Лескова к объединению русского общества на религиозной основе требовало от писателя целенаправленных усилий и определяло его ориентацию на «неведомую» для отдельных кругов русского общества литературу. «...есть слой в русской народности, – писал он, – где все обучались слову Божию и знают его, но небрегут о нем и даже считают смешным и недостойным им заниматься. Указываемый слой не простонародье, как и ни какое-нибудь исключительное сословие, а это “перегной” нашей культуры, который залегает на поверхности» [6, с. 106].

Писатель берет на себя миссию спасения этого «перегноя» путем приобщения его к «здравой народной почве» через усвоение им той сферы культуры, в которой открыто проявляется народная религиозность, т.е. через усвоение древней, в основном церковной литературы и религиозного фольклора.

Деятельность писателя представлялась Лескову одной из важнейших форм гражданского служения. Убежденный в том, что победить зло можно только творением добра, он, начиная с 70-х годов, проявляет большой интерес к агиографии, усматривая в житиях святых здоровый смысл, а обращения к житийным традициям – средство нравственного оздоровления русского общества. «...наш читатель из простолюдинов, – рассуждает он, – всегда очень интересуется жизнеописанием святых подвижников и в высоких свидетельствах их духа и характеров почерпает живые силы для воспитания их собственного духа» [5, с. 548]. Подобные мотивы звучат и в публицистике Лескова. Он смотрит на агиографию как на важнейший литературный источник. «...житиями святых, – пишет он в одной из статей, – интересуется теперь художественная литература, так как характеры тех лиц, о коих сложены те житийные повести, являют, по удачному выражению Саввы Звенигородского, “духовную красоту нашего народа”. Искусство же должно, даже обязано, сберечь, сколь возможно, все черты народной красоты» [4, с. 38]. Следовательно, задача литературы состоит в том, чтобы «источать» из древнерусских памятников «струю живую и самую целебную».

Особые симпатии Лесков питал к народным формам религиозности, к формам «исключительно стихийным, сердечным». Но в духе современной научно-богословской мысли писатель видел изъян и слабость духовного развития народа, которые проявлялись как в «недостаточной одухотворенности», так и в «чрезмерной душевности, или поэтичности, в духовной неформленности душевной стихии, если угодно, в стихийности» [8, с. 4]. Он был уверен в религиозности народа, но не понимал, в чем состоит эта религиозность. В ней он не видел истинного христианства. Духовный мир народа, по его представлениям, насквозь пропитанный суевериями и предрассудками, необходимо просветить православной истиной. Свою миссию писателя Лесков видел в содействии народному развитию, в помощи народу «сделаться христианином, ибо он (*Народ* – В. С.) этого хочет и это ему полезно» [7, с. 109].

В традиционном житии и «проложных» легендах Лесков обнаружил богатый нравственно-этический смысл, веками складывавшуюся «прописную мораль», которую он взял под защиту в споре с ее современными хулителями. Он понимал, что жития святых всегда составляли предмет внимания людей благочестивых, находивших в них спасительные уроки назидания и примеры «духовного восхождения», поскольку «в них сохранились бытовые и даже исторические черты, которые были опущены летописцами» [3, с. 38].

Лесков признавался, что он сам лично знал таких людей, которые в своей жизненной практике руководствовались житиями Филарета и Алексея, человека божия. Он их встречал среди городских мастеровых, русской интеллигенции, поместных дворян и полуграмотных раскольников. Это для него было свидетельством того, что, опираясь на традиции житийной литературы, писатель может влиять на нравственный облик людей всех слоев русского общества. Назначение своего творчества Лесков видел в том, чтобы влиять на уровень самосознания народной массы, помогать ей «освободиться от рутинных привычек, преодолевать инертность своего существования и приобретать необходимую здравость и ясность понятий» [4, с. 3]. Писатель ставит перед собой задачу создать, опираясь на традиции древнерусского агиографического жанра, галерею положительных типов людей, воплощающих в себе «отрадные явления» русской жизни, которые могли бы стать примером для подражания.

Подходы к использованию агиографического жанра у Лескова разнообразны. В основном это введение в художественную ткань произведения отдельных житийных мотивов («Очарованный странник»), создание образа «праведника», совершающего подвиг самоотверженного служения людям, не выходя из сферы быденной жизни («Несмертельный голован»), введение в произведение образа персонажа, близкого житийному («Соборяне») и т.д.

В «Соборьях» сразу же бросается в глаза ориентация писателя на Житие протопopa Аввакума. Его герой старгородский протопоп Савелий Туберозов и его трагическая судьба неизбежно заставляют вспомнить «огнепального» вождя старообрядческого движения XVII в. и его полное страданий и столкновений с властями «житие».

Многие из героев Лескова представляются чудаками, людьми с надломленной психикой. Однако писатель был уверен, что их юродство и своеобразное правдолюбие понятны народу: на Руси издавна странные люди и «блаженные юродивые» воспринимались почти как святые, их устами глаголела истина.

Рассматривая житие как аккумулятор национальных представлений этико-религиозного плана, Лесков, по выражению А. М. Горького, создал «целый иконостас <...> святых праведников России» [2, с. 231]. Как правило, он их выводит за сферу простой нравственности. Они не просто праведники и человеколюбцы.

Чаще всего это богатыри по физической силе и по духу. Фоном их действия становятся широкие просторы «святой Руси». Герой «Очарованного странника» – далеко не житийный персонаж. Безудержное молодечество, озорство и богатырская сила, осознаваемые писателем как исконно национальные черты, ставят его в один ряд с былинными богатырями. Он грешник, совершил два убийства. Однако писатель оценивает его с точки зрения древнерусских нравственно-этических представлений: свят не тот, кто не совершает греха, а тот, кто смог покаяться и преодолеть его, найти в себе силы воскреснуть к новой жизни.

Иван Флягин переживает постоянные взлеты и падения, всякий раз находя в себе силы подняться после очередного удара судьбы и идти дальше по жизни, как бы исполняя не свою волю, а волю Пославшего его в этот мир. «Божественная душа человека прикована злом к земному миру, к грешному телу, вследствие этого она очарована, – писал М. Л. Ресслер, интерпретируя повесть Лескова, – она может быть спасена, если только найдет дорогу на свою небесную родину. Однако этот путь идет через все земные страдания. Расколдовывание (разочарование) – это душевное очищение человека» [9, S. 5]. Таким образом, само название повести заключает в себе определенный зашифрованный смысл. Иван Северьянович – странник. Перед его взором раскрываются широкие русские просторы, и он, подобно бродячим проповедникам, каликам переложим, отправляется в странствие по жизни, как бы стремясь освоить необъятные русские пространства, обрести Царство Божие и понять смысл человеческой жизни на грешной земле.

Влияние на Лескова традиций древней русской культуры сказывается и в его обращении к широко известному в русской литературе топосу «бесовства». Сближение Ивана Северьяновича с житийным героем сказывается в том, что он, подобно житийному праведнику, неоднократно искушается «бесом», его посещают видения. На появление нечистой силы недвусмысленно намекается в сцене встречи героя в трактире с «каким-то проходимцем», которого он сам называет «чертом». Не без его участия происходит и убийство цыганки Груши.

В духе традиционного жития в «Очарованном страннике» сообщается, что Иван Северьянович был у родителей «молитвенным сыном», то есть сыном, выпрошенным у Бога и обещанным монастырю. Это обстоятельство определяет те сюжетные перипетии, которые приводят его в святую обитель, и позволяет соотносить «очарованного странника» с древним русским литературным памятником XVII в. – «Повестью о том, как Горе-Злочастье привело молодца во иноческий чин».

Любимые герои Лескова, как правило, – обычные простые люди, совершающие героические поступки, следуя голосу сердца и своим нравственным представлениям. Герой рассказа «Несмертельный Голован» менее всего думает о спасении своей души. Приходя на помощь ближнему, он руководствуется лишь нравственным чувством любви к людям. Творя добро и справедливость, он стремится активизировать и нравственные силы окружающих его людей.

Безусловно, Голован – не житийный герой, но в своей жизненной практике он руководствуется евангельскими заповедями, следуя примеру святых подвижников.

Лесков хорошо понимал, что житийный образец мог дать универсальные решения в выборе жизненного пути, на этот образец ориентируются все праведники его произведений. Ему следуют и суровый Александр Рыжов, прозванный Однодумом, и солдат Постников, нарушающий служебный долг во имя долга человеческого, и другие герои Н. С. Лескова, запечатленные в памятниках древней русской литературы и отечественного фольклора, по которым писатель ориентировался в трактовке русского национального характера.

Список литературы

1. Авсеенко А. О. Из литературных воспоминаний // Новое время: газета. 1900. № 8730.
2. Горький А. М. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Художественная литература, 1953. Т. 22. 479 с.
3. Лесков А. Жизнь Николая Лескова. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2. 304 с.
4. Лесков Н. С. О литературе и искусстве. М.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. 286 с.
5. Лесков Н. С. Сентиментальное благочестие // Православное обозрение. 1873. Т. 10. № 3. С. 526-551.
6. Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11-ти т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 10. 597 с.
7. Лотман Л. М. Русская историко-филологическая наука и художественная литература второй половины XIX века // Русская литература. 1996. № 1. С. 19-44.
8. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. Ч. 1. 183 с.
9. Ressler M. L. Nikolai Leskov und seine Darstellung desreligiösen Menschen - Veimar, 1939.

HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCE AND N. S. LESKOV'S CREATIVITY

Sokolova Valentina Fedorovna, Doctor in Philology, Professor
Nizhny Novgorod State Engineering-Economic University
umoiptd@yandex.ru

In the article the author makes an attempt to consider the N. S. Leskov's creativity against the background of the forming of the Russian historical and philological science and to emphasize the importance in the formation of his creative method of the works by F. I. Buslaev, A. N. Afanasyev, N. S. Tikhonravov and its other representatives. As an example the analysis of a number of works of the writer created with a glance to the Old Russian cultural traditions is carried out.

Key words and phrases: Russian Historical and Philological Science; moral and ethical concepts; culture of Ancient Rus; monuments of verbal creativity; tradition; writer's activity; hagiographical genre.